

СТАТЬИ

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КОНФИСКАЦИИ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ, ЕС И США

А. Г. Волеводз¹, М. М. Долгиева^{2*}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

²Генеральная прокуратура Российской Федерации

125993, Россия, Москва, ул. Большая Дмитровка, 15а

Аннотация

Статья проводит комплексный сравнительно-правовой анализ уголовной политики в сфере конфискации криптовалюты в России, Европейском союзе и США. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом преступлений с использованием криптоактивов (отмывание денег, киберпреступления, наркоторговля) и отсутствием в России эффективных механизмов их окончательной конфискации и реализации, что нивелирует усилия правоохранительных органов. Авторы ставили цель выявить эффективные модели конфискации криптовалюты на основе сопоставления законодательства и практики ведущих юрисдикций и разработать рекомендации для совершенствования российского правового поля. Использовались сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Были рассмотрены российские и зарубежные нормативно-правовые акты, такие как УПК РФ, Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 3 апреля 2014 г. 2014/42/ЕС, Закон США о комплексной борьбе с преступностью 1984 г., судебная практика РФ и США, а также доктринальные источники. В результате выявлено следующее: 1) США обладают наиболее развитой системой, где Служба маршалов активно использует частные биржи для конвертации конфискованных активов; 2) ЕС создал прочные правовые рамки (5/6AMLД, Директива 2014/42/ЕС), но реализация варьируется между странами-членами, сочетая государственное хранение и аутсорсинг продаж через лицензированные платформы; 3) в РФ, несмотря на практику изъятия и ареста криптоактивов и законодательные инициативы, отсутствует ключевое звено — механизм их легальной конфискации и реализации, что делает судебные решения неисполнимыми. Был сделан вывод, что для преодоления отставания России необходимы срочное законодательное закрепление криптовалюты как имущества для целей конфискации в УПК РФ, наделение ФССП России полномочиями по продаже через лицензированные платформы и развитие экспертного потенциала. Исследование вносит вклад в теорию, детализируя технические аспекты конфискации в ЕС и США, и предлагает конкретные пути модернизации уголовной политики РФ.

Ключевые слова

конфискация криптовалюты, уголовная политика в сфере конфискации криптоактивов, виртуальные активы, блокировка активов, цифровые активы, сравнительное правоведение, механизм реализации

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Волеводз, А. Г., Долгиева, М. М. (2025). Уголовная политика в сфере конфискации криптовалюты в России, ЕС и США. *Цифровое право*, 6(1), 20–34. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-4>

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 20.01.2025, принята в печать: 26.02.2025, опубликована: 31.03.2025

ARTICLES

CRIMINAL POLICIES ON CONFISCATION OF CRYPTOCURRENCY IN RUSSIA, THE EU, AND THE US

Alexander G. Volevodz¹, Madina M. Dolgieva^{2*}

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

²Prosecutor General's Office of the Russian Federation
15a, Bolshaya Dmitrovka St., Moscow, Russia, 125993

Abstract

In this article, we carry out a comprehensive comparative legal analysis of the criminal policy in the field of cryptocurrency confiscation in Russia, the European Union, and the United States. The relevance of this research is determined by the rapid growth of crimes involving crypto assets (money laundering, cybercrimes, and drug trafficking) and the lack of effective mechanisms for their final confiscation and implementation in Russia, which undermines the efforts of law enforcement agencies. We aim to identify effective models of cryptocurrency confiscation based on a comparative analysis of legislation and practice in leading jurisdictions and, on this basis, to develop recommendations for improving the Russian legal framework. The methodology includes a comparative legal analysis of regulatory acts (Russian Criminal Procedure Code, EU Directive 2014/42/EU, US Code), a formal legal method, an analysis of judicial practice (Russia, USA), and doctrinal sources. The key findings can be summarized as follows: (1) the USA enjoys the most advanced system, where the U.S. Marshals Service (USMS) actively uses private exchanges to convert confiscated assets; (2) the EU has established a strong legal framework (5/6AML, Directive 2014/42/EU); however, implementation practices here vary among member states, combining government-owned storage and outsourced sales through licensed platforms; (3) in the Russian Federation, despite the practice of seizure and arrest of crypto assets and legislative initiatives, the legal mechanism for their confiscation and sale is lacking, making court decisions unenforceable. In order to overcome this gap in Russia, it is necessary to urgently legislate cryptocurrency as property for the purposes of confiscation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, grant the Federal Service for Judicial Enforcement of the Russian Federation the authority to sell through licensed platforms, as well as to develop expert potential. Our study extends the current knowledge

by detailing the technological aspects of confiscation in the EU and the USA and proposes specific ways to modernize the criminal policy of the Russian Federation.

Keywords

cryptocurrency confiscation, criminal policy on the confiscation of crypto-assets, virtual assets, asset blocking, digital assets, comparative law, implementation mechanism

Conflict of interest The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure The study has no sponsorship.

For citation Volevodz, A. G., & Dolgieva, M. M. (2025). Criminal policies on confiscation of cryptocurrency in Russia, the EU, and the US. *Digital Law Journal*, 6(1), 20–34. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-4>

* Corresponding author

Submitted: 20 Jan. 2025, accepted: 26 Feb. 2025, published: 31 Mar. 2025

Введение

Рост популярности криптовалют сопровождается их активным использованием в преступной деятельности (отмывание денег, финансирование терроризма, киберпреступления, наркоторговля). Это создает новый вызов для правоохранительных систем всего мира: как эффективно выявлять, арестовывать (замораживать) и конфисковывать криптоактивы, обращая их в доход государства или компенсируя ущерб потерпевшим. Традиционные механизмы конфискации, рассчитанные на фиатные деньги и материальные активы, зачастую неприменимы или неэффективны в отношении децентрализованных, псевдоанонимных и волатильных криптоактивов.

В современной отечественной правовой доктрине уголовную политику понимают как систему уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, пенитенциарных, криминологических и других мер реагирования на преступность (Endol'tseva et al., 2019, p. 642). Механизмы ее реализации охватывают все этапы противодействия преступности, включая нормотворчество и правоприменение, особенно актуальные в контексте новых криминологических вызовов, таких как криптопреступность.

Хотя термин «уголовная политика» в российском понимании не является общепотребительным за рубежом (где чаще используется «система уголовного правосудия») (Fijnaut, 2017, pp. 9–26), суть государственной деятельности по борьбе с преступностью, включая конфискацию преступных доходов, едина. Конфискация криптоактивов как специальная мера требует анализа базовых нормативных положений о конфискации и специфических подходов к виртуальным активам в сравниваемых юрисдикциях (РФ, ЕС, США).

Цель исследования — провести сравнительный анализ уголовной политики в сфере конфискации криптовалюты в России, ЕС и США, выявить эффективные механизмы и сформулировать рекомендации для совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики.

Несмотря на схожесть общих принципов конфискации, эффективность механизмов конфискации криптовалюты напрямую зависит от развитости специализированного законодательства,

технологических возможностей правоохранительных органов и наличия инфраструктуры для управления и реализации конфискованных криптоактивов, что в настоящее время в наибольшей степени обеспечено в США, в меньшей — в ЕС и практически отсутствует в России. Существующие исследования часто фокусируются либо на общих вопросах правового статуса криптовалюты, либо на конфискации в целом, недостаточно уделяя внимание именно процедурным и техническим аспектам конфискации криптоактивов в сравнительной перспективе, особенно применительно к РФ (Dolgieva, 2023b, pp. 136–137). Малоизучен практический механизм работы компетентных органов ЕС с криптоактивами.

Исследование основано на сравнительно-правовом методе для анализа законодательств РФ, ЕС, США; формально-юридическом методе для толкования норм; анализе судебной практики и правоприменительной деятельности; обобщении научной доктрины и открытых данных правоохранительных органов.

Уголовная политика в сфере конфискации криптовалюты: общие подходы и принципы

Для начала следует обозначить общепризнанные международные принципы уголовного права (они же распространяются и на уголовную политику. В частности, к таковым относятся соответствие уголовной политики (в данном случае норм о конфискации криптовалюты) международным стандартам, а при отсутствии таковых — единообразным правилам; обеспечение при этом права на защиту подозреваемых, обвиняемых и права на юридическую помощь иных заинтересованных лиц; экономия процессуальной репрессии (рациональное применение мер процессуального принуждения); равенство граждан перед законом и судом; предупредительное воздействие на преступность, социальная обусловленность и легитимность (Argatov, 2025, pp. 32–34).

Поскольку меры, связанные с конфискацией криптовалюты имеют отношение к уголовному правосудию, необходимо определить и место указанных мер в его системе. Система уголовного правосудия является основной составляющей правовой системы в каждой стране. В отличие от криминологии исследования в области права и общества не стремятся рассчитать уровень преступности или выявить ее причины, а вместо этого фокусируются на том, как уголовное правосудие взаимодействует с другими элементами права и общества, такими как законотворчество, права человека и верховенство закона. Поэтому исследования в области уголовной политики являются более социально обусловленными, отражая актуальную действительность.

Стоит отметить, что непрозрачность информационной (компьютерной) преступности является основной причиной невозможности связать имущество, полученное в результате совершения преступления, с конкретным уголовно-наказуемым деянием и конфисковать его. В указанных условиях должны быть предусмотрены оперативная возможность идентификации имущества, используемого в качестве предмета или средства совершения преступления, и его последующий арест (в зарубежных странах «замораживание») в рамках расследования уголовного дела в целях пресечения получения экономической выгоды от его оборота.

Кроме того, в случае с криптовалютой актуален и вопрос конфискации активов, обнаруженных при расследовании уголовного дела, происхождение которых виновное лицо не может объяснить, однако их наличие явно выходит за пределы официальных доходов виновного (это в большей степени вопрос коррупционных преступлений). Представляется, что конфискации в данном контексте не будет ограничиваться только имуществом, которое использовалось

при совершении преступления, поскольку судьба этого «необъяснимого» имущества также должна быть определена в рамках уголовного преследования. Логичным представляется вывод о том, что применение такой расширенной конфискации возможно только в случае, когда другие формы конфискации невозможны или не покрывают общую сумму ущерба от преступления, в качестве альтернативной меры. При этом с учетом общепризнанных принципов международного права такая конфискации не должна ущемлять права добросовестных третьих лиц в случае доказанности принадлежности им данного имущества.

Прежде чем рассматривать существующие механизмы конфискации криптовалюты, необходимо определить соотношение понятий криптовалюты в рамках исследуемых юрисдикций. В частности, обобщение существующих в зарубежной и международной практике позиций позволило выделить четыре основных подхода к определению криптовалюты: 1) в качестве денежного средства (валюты); 2) средства платежа или обмена; 3) товара (иного имущества); 4) денежного суррогата (Dolgieva, 2023a, p. 24).

С точки зрения международной конкуренции в сфере правового регулирования криптовалюты законодательства Европейского союза и США представляют собой более прочную структуру, позволяющую предвидеть риски и возможности, вытекающие из финансовых инноваций и технологических разработок, таких как криптовалютное финансирование. Более развитая нормативно-правовая база, а также специализированные регулирующие органы и суды позволяют им совершенствовать направления уголовной политики в соответствии с прогрессом криптоиндустрии.

Европейский союз и Соединенные Штаты Америки являются двумя крупнейшими финансовыми блоками, конкурирующими между собой в вопросах не только регулирования, но и привлечения криптовалютных инвестиций и финансирования. При этом Европейский союз ставит в приоритет риски для регуляторов, инвесторов и рынков, а Соединенные Штаты, в свою очередь, более открыты для технологии блокчейн и криптоактивов. Российскую Федерацию в данном сравнении можно охарактеризовать как принявшую пассивно-надзорную роль с учетом важного опыта предшественников и пионеров инноваций. Данное свойство позволяет выйти за рамки простой гонки за привлечение криптовалюты в нашу страну и внести вклад в создание нового рынка, поскольку уже очевидно для всего мирового сообщества, что криптовалюты — это еще один пример инноваций, управляемых государствами.

В конечном счете экономическое развитие и финансовая стабильность зависят от способности государств предвидеть потребности и предотвращать возникающие риски путем поиска инновационных решений. В гонке криптовалютного регулирования государства могут выбрать использовать новые технологии для конкуренции в целях привлечения капитала или, наоборот, остаться в более «мягких» и разрешительных нормативных рамках. Именно активность в вопросах регулирования позволяет увидеть и направления уголовной политики в сфере реализации мер процессуального принуждения, поскольку механизмы и инструменты конфискации криптовалюты напрямую связаны с развитием криптотехнологий и права, так как конфискации криптовалюты возможна только с применением тех же систем, в которых функционируют данные криптовалюты.

В Европейском союзе и США, в отличие от Российской Федерации, регулирование криптовалюты имеет более длительную историю. Отнесение криптовалюты как объекта права к одной категории (или ни к одной) инициирует целый каскад дальнейших правовых последствий, и поскольку не все криптоактивы обладают одинаковыми характеристиками, не все и нуждаются в одинаковом правовом рассмотрении.

Первые шаги большинства регулирующих органов США и Европейского союза в отношении криптовалют заключались в аналоговом применении существующих нормативных актов (Россия по этому пути не пошла, заняв выжидательную позицию). В то время как Комиссия по ценным бумагам США рассматривала и продолжает рассматривать некоторые криптовалютные активы (в частности, токены) как ценные бумаги, криптовалюты, такие как *Bitcoin* и *Ethereum*, в США считаются товарами¹. В свою очередь, пятая Директива Европейского союза, являясь существенным законодательным прорывом в вопросах закрепления статуса виртуальных активов, определяет криптовалюту «как цифровое представление стоимости, которое не выдается и не гарантируется банком или государственным учреждением»².

В Российской Федерации длительное отсутствие прямого регулирования привело к формированию правоприменительной практики, относившей криптовалюту к «иному имуществу» (ст. 128 ГК РФ)³. Это позволило квалифицировать ее хищение по ст. 159, 161 УК РФ⁴. Статья 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА) ввела понятие цифровой валюты, которое не тождественно широко используемому концепту «криптовалюта»⁵. Закон регулирует только цифровые валюты, выпущенные в информационной системе, оператор которой прошел учет в ЦБ РФ (что исключает большинство известных криптовалют типа *Bitcoin*, *Ethereum*). Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разработан в целях регламентирования порядка и условий создания и распределения (майнинга) криптовалюты⁶. Законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» направлен именно на введение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство понятия криптовалюты, которая приравнивается к имуществу для целей хищения и конфискации⁷. Таким образом, в настоящее время для криптовалют (не подпадающих под Закон о ЦФА) сохраняется квалификация как иного имущества по ГК РФ

¹ Commodity Futures Trading Commission. (2025). Acting Chairman Pham launches listed spot crypto trading initiative [Press release]. <https://www.cftc.gov/PressRoom/PressReleases/9105-25>

² Речь идет о Директиве Европейского Союза от 30 мая 2018 г. 2018/843/ЕС о предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег и финансирования терроризма (также известной как 5th *Anti-Money Laundering Directive*, 5AMLD): Directive 2018/843, of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive 2015/849 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purposes of Money Laundering or Terrorist Financing, and Amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU, 2018 O.J. (L 156) 43, 54.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1, от 30.11.1994, № 51-ФЗ, ст. 128 (ред. от 11.03.2025). Собрание законодательства РФ, 26.12.1994, № 32, ст. 3301.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996, № 67-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Собрание законодательства РФ, 17 июня 1996, № 25, ст. 2954; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу №77-1296/2023; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2024 г. №77-78/2024.

⁵ См. ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31, ст. 5018.

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 г. № 221-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 12.08.2024, № 33(ч. 1), ст. 4917.

⁷ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 902782-8. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8>

и УК РФ, что подтверждается практикой. Однако для целей конфискации законодательного механизма по-прежнему нет.

Вместе с тем правоприменительная практика в условиях острой необходимости противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты или в ее отношении, продолжает формировать собственные механизмы реализации полномочий правоохранительных органов. В частности, следственными органами активно стали применяться методы, позволяющие ограничить доступ к криптовалютным кошелькам и счетам виновных лиц с использованием тех же сервисов. При этом изъятие криптовалюты и криптоактивов следственными органами применяется не только в случае добровольного предоставления виновным лицом доступа (например, передачи ключей), но и в случае принудительного изъятия носителей информации (жестких дисков, флеш-накопителей) с криптокошельками, а также получения доступа к онлайн-кошелькам через провайдеров услуг (VPN, хостинг) на основании судебного решения⁸. Прогрессом является сама возможность таких изъятий и арестов. Однако криптовалюта фактически лишь удерживается на этих носителях или кошельках. Дальнейшие механизмы конфискации и реализации отсутствуют (Dolgieva, 2023, p. 148). Несмотря на наличие единичных судебных решений о конфискации именно криптовалюты⁹, фактически эти решения не исполняются в связи с отсутствием правовых оснований для их реализации (конвертации в рубли) и полномочий ФССП России работать с криптоактивами.

В настоящее время, пока институт конфискации криптовалюты и криптоактивов в Российской Федерации только начинает становление, необходимо закрепление ряда теоретических положений, с учетом которых в последующем будет возможна его оптимальная законодательная регламентация. В этой связи одним из ключевых вопросов модернизации уголовной политики в сфере оборота криптовалюты является определение механизма отслеживания и идентификации имущества, подлежащего аресту и конфискации, поскольку даже после вынесения приговора суда или после судебного разбирательства по применению конфискации без вынесения обвинительного приговора данные судебные решения должны быть исполнимыми.

Кроме того, должен быть установлен срок, по истечении которого отслеживание и идентификация будут более невозможны, для того чтобы конфискованное имущество сохраняло экономическую ценность, так как криптовалюта по своей форме и содержанию является крайне специфичным активом, стоимость которого не зависит от действий и решений централизованных органов или регуляторов. В этой связи традиционные аналитические возможности оценки курса иностранных валют не могут быть использованы в отношении криптовалюты, стоимость которой регулируется исключительно криптообществом, т. е. только собственниками криптовалюты. В закреплении этого положения заключается важная цель конфискации — сохранение экономической ценности актива и правильная его оценка.

Поскольку криптовалюта является также и обезличенным активом, в рамках уголовного судопроизводства может возникнуть вопрос об определении периода, в течение которого имеющаяся у виновного лица криптовалюта может считаться полученной в результате преступного поведения. Кроме того, не стоит забывать и о сложностях доказывания принадлежности криптовалюты конкретному виновному лицу либо иным, добросовестным лицам. В частности, правоохранительными органами в рамках расследования уголовного дела собственником

⁸ Уголовное дело № 1-72/2025 (1-365/2024), в отношении организаторов криптовалютной пирамиды «Финико», находящееся в производстве Вахитовского районного суда г. Казани в отношении Доронина К.В. и других.

⁹ См. например, приговор 2-го Западного окружного военного суда от 26 февраля 2021 г. по делу №1-7/2021 (1-141/2020).

криптовалюта (виновным) считается то лицо, у которого эта криптовалюта была обнаружена либо при себе на специальных технических средствах (криптокошельках), либо на личном компьютере или на других носителях информации. В обозримом будущем, вероятно, виновные лица будут заявлять о том, что криптокошельки им подброшены, а информация на компьютере — дело рук хакеров. В этой связи нужно уже сейчас понимать приоритетные направления развития уголовной политики.

Процедура доказывания происхождения криптовалюты должна иметь равные стандарты как при вынесении обвинительного приговора, так и независимо от результатов расследования преступления, послужившего поводом для конфискации имущества.

Еще одним важным моментом при рассмотрении вопросов конфискации криптовалюты и криптоактивов является механизм распоряжения ими после изъятия. В частности, обособленным представляется установление правил, регламентирующих процедуры, с помощью которых цифровое имущество или его стоимость, обращаемые в доход государства, могли бы быть использованы для выплаты компенсации потерпевшим, в общественных интересах или социальных целях.

В случае с криптовалютой процесс ее изъятия, а также управления ею предполагает наличие определенных экспертных познаний: такие действия должны включать систематическую оценку стоимости, проводимую до принятия мер по окончательной конфискации. Цель оценки состоит в том, чтобы компетентные органы были ознакомлены как с криптовалютными технологиями, так и с технологиями замораживания криптоактивов для гарантированного исполнения решения суда.

И наконец, механизм реализации конфискованной криптовалюты, с учетом волатильности ее курса, не должен быть слишком сложным, так как длительное удержание криптовалюты может обесценить ее либо иным образом повлиять на ее стоимость и востребованность. В этой связи вопросы реализации конфискованного имущества определенного характера (криптовалюта и криптоактивов) стоило бы рассматривать в исключительном (срочном) порядке, закрепив возможность обжалования промежуточного решения о продаже заинтересованными лицами.

Уголовная политика в сфере конфискации криптовалюты в Европейском союзе

С момента начала активного использования виртуальных активов¹⁰ Европол публикует отчеты об применении виртуальных активов в преступных целях¹¹. В частности, были выявлены тенденции к увеличению угроз использования криптовалюты со стороны организованной преступности, созданию параллельных подпольных финансовых систем, нарушающих целостность экономики и общества. В целях противодействия криминальному использованию криптовалюты была опубликована Стратегия Европейского союза по борьбе с организованной преступностью на 2021–2025 гг.¹², предлагающая решение указанных проблем путем

¹⁰ Именно данный термин применяется к криптовалюте в Европейском союзе. См. преамбулу Регламента 2023/1113: Regulation 2023/1113, of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Information Accompanying Transfers of Funds and Certain Crypto-Assets and Amending Directive (EU) 2015/849, 2023 O.J. (L 150) 1–12.

¹¹ European Cybercrime Centre. (n.d.). *Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA)*. Europol. Retrieved February 25, 2025, from <https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment>

¹² *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the EU Strategy to Tackle Organised Crime 2021–2025*, COM (2021) 171 final (Apr. 14, 2021).

повышения трансграничного сотрудничества, поддержки и консолидации правоохранительной системы государств — участников Европейского союза, а также конфискации доходов от преступной деятельности.

Основной мотив трансграничной организованной преступности в Европейском союзе (так же, как и везде) — это получение неконтролируемых финансовых доходов. В этой связи решение проблем, исходящих от противоправного использования криптовалюты и криптоактивов в Европейском союзе, видится в предоставлении компетентным органам средств для эффективного отслеживания и идентификации, замораживания и конфискации криптовалюты, используемой в качестве средства совершения преступления, а также конфискации доходов от криптовалюты, полученных от преступной деятельности, и управления ими.

Стратегией констатируется, что эффективная система возвращения активов (в том числе виртуальных) требует оперативного отслеживания и идентификации средств и доходов от преступной деятельности (Kunev, 2021), а также имущества, у которого подозревается преступное происхождение. Такие доходы, средства и имущество должны быть заморожены, чтобы предотвратить их отчуждение, после чего их конфискуют по завершении уголовного разбирательства.

Действующая правовая база ЕС по отслеживанию и идентификации, замораживанию, конфискации и управлению доходами, инструментами и имуществом, а также по деятельности бюро по возвращению активов состоит из Директивы 2014/42/ЕС¹³, решения Совета ЕС от 6 декабря 2007 г. 2007/845/JHA¹⁴ и рамочного решения Совета ЕС от 24 февраля 2005 г. 2005/212/JHA¹⁵.

5AMLD содержит ряд ключевых положений, направленных на борьбу с отмыванием денег с использованием криптоактивов, взаимодействие по которым должно осуществляться совместно с Европейской комиссией, Европейским парламентом, Советом ЕС и Рабочей группой Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

Существующая правовая база в Европейском союзе не в полной мере обеспечивает возвращение активов и их конфискацию во всех странах-членах, однако она устанавливает минимальные правила отслеживания и идентификации, замораживания, конфискации имущества и управления им в рамках разбирательства по уголовным делам. В этом контексте судебное разбирательство по уголовным делам является автономной концепцией права Союза, интерпретируемой Судом ЕС, несмотря на прецедентное право Европейского суда по правам человека. Этот институт охватывает все виды постановлений о замораживании и конфискации, вынесенных после судебного разбирательства в связи с уголовным преступлением. Он также включает другие виды постановлений, вынесенных без окончательного обвинительного приговора.

Законодательство Европейского союза в вопросах конфискации виртуальных активов устанавливает правила, предоставляющие компетентным органам полномочия и ресурсы для быстрого и эффективного реагирования на запросы властей других государств-членов.

¹³ Директива Европейского парламента и Совета ЕС о замораживании и конфискации средств совершения преступлений и доходов от преступлений в Европейском Союзе. См.: Directive 2014/42/EU, of the European Parliament and of the Council of Apr. 3 2014 on the Freezing and Confiscation of Instrumentalities and Proceeds of Crime in the European Union, 2014 O.J. (L 127) 39.

¹⁴ Решение Совета о сотрудничестве между службами по возвращению активов государств-членов в области отслеживания и идентификации доходов от преступлений или другого имущества, связанного с ними. См.: Council Decision 2007/845/JHA of Dec. 6, 2007 Concerning Cooperation Between Asset Recovery Offices of the Member States in the Field of Tracing and Identification of Proceeds from, or Other Property Related to, Crime, 2007 O.J. (L 332) 103 (EC).

¹⁵ Рамочное решение Совета о конфискации доходов, орудий совершения преступлений и имущества. См.: Council Framework Decision 2005/212/JHA of Feb. 24, 2005 on Confiscation of Crime-Related Proceeds, Instrumentalities and Property, 2005 O.J. (L 68) 49 (EC).

Это актуально и при необходимости принятия срочных мер по замораживанию и эффективно управлению виртуальными активами в целях их возвращения. Эти же правила распространяются и на любое имущество, преобразованное полностью или частично из криминальных виртуальных активов.

Кроме того, правоохранительной системой Европейского союза, хотя отсутствует прямое указание на это в законе, рассматриваются дополнительные меры конфискации, которые позволяют конфисковывать имущество, эквивалентное по стоимости таким доходам или средствам, когда невозможно конфисковать обнаруженное имущество.

Практика передачи подозреваемым или обвиняемым лицом имущества или доходов третьей стороне с целью избежать конфискации является распространенной, кроме того, передача обезличенных криптоактивов, в принципе, усложняет процесс установления собственника такого имущества.

Перечень преступлений, по которым предусматривается конфискации имущества, в том числе криптовалюты, согласно законодательству Европейского союза широк и в целом не отличается от российского. При этом положения о конфискации применяются также и ко всем другим уголовным преступлениям, определенным национальным законодательством государств-членов.

Директива 2014/42/ЕС определяет доходы как любую экономическую выгоду, полученную прямо или косвенно в результате уголовного преступления, состоящую из любой формы собственности и включающую любое последующее реинвестирование или преобразование прямых доходов и любых ценных выгод, а имуществом называет любое имущество, будь то материальное или бестелесное, движимое или недвижимое, а также юридические документы или инструменты, подтверждающие право собственности или интерес к такому имуществу¹⁶. Поэтому процедурных вопросов с конфискацией виртуальных активов не возникает: они также могут быть отнесены к орудиям преступления, подпадающим под действие данной Директивы.

Технический механизм конфискации в ЕС выглядит следующим образом.

- Идентификация и заморозка:** компетентные органы государства-члена (полиция, следственные судьи, прокуратура — в зависимости от национального законодательства) используют технологии блокчейн-анализатора (например, *Chainalysis*) и данные провайдеров услуг с виртуальными активами (*Virtual Asset Service Providers, VASP*): бирж, кошельков, для отслеживания и идентификации криптоактивов, связанных с преступностью. На основании судебного решения они направляют запросы *VASP*, зарегистрированным в ЕС (обязанным соблюдать директивы *5AMLD/6AMLD*¹⁷), о заморозке средств на конкретных кошельках.
- Хранение и управление до конфискации:** замороженные активы остаются на счетах/кошельках, подконтрольных *VASP*, или чаще переводятся на специальные «казенные» кошельки, контролируемые уполномоченным государственным органом (часто казначейством, министерством финансов или специализированным подразделением в рамках минюста или прокуратуры). Управление рисками волатильности на этом этапе является сложной

¹⁶ См. ст. 2 Директивы: Directive 2014/42/EU, of the European Parliament and of the Council of Apr. 3 2014 on the Freezing and Confiscation of Instrumentalities and Proceeds of Crime in the European Union, 2014 O.J. (L 127) 39, 45.

¹⁷ Directive 2018/843, of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive 2015/849 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purposes of Money Laundering or Terrorist Financing, and Amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU, 2018 O.J. (L 156) 43; Directive 2018/1673, of the European Parliament and of the Council of Oct. 23, 2018 on Combating Money Laundering by Criminal Law, 2018 O.J. (L 284) 22.

задачей. В некоторых странах — членах ЕС (например, в Германии и Нидерландах) практикуется аутсорсинг хранения и базового управления специализированным, лицензированным кастодиальным провайдером из частного сектора под строгим надзором государства (Keiler & Klip, 2021).

3. **Конфискация:** после вынесения окончательного судебного решения (обвинительного приговора или решения о конфискации без осуждения) активы официально конфискуются в пользу государства.
4. **Реализация (продажа):** ответственность за реализацию лежит на уполномоченном государственном органе (аналогичном хранителю). Процедура обычно включает:
 - *проведение аукционов* — чаще всего это онлайн-аукционы через лицензируемые платформы VASP (криптовбиржи) или традиционные аукционные дома со специализацией на цифровых активах. Например, в Нидерландах Национальное бюро по восстановлению активов использует платформы крупных бирж для продажи конфискованных биткоинов¹⁸. В Германии земельные ведомства юстиции могут использовать как биржи, так и специализированных брокеров;
 - *ограничения* — продажа обычно осуществляется только через лицензированные в ЕС и соблюдающие AML/CFT-требования платформы. Существуют строгие процедуры KYC (*Know Your Customer*) для покупателей. Цель — минимизировать риски отмывания и получить максимальную выручку в евро;
 - *использование выручки* — полученные фиатные средства поступают в государственный бюджет или специальные фонды, из которых могут финансироваться правоохранительные органы, выплачиваться компенсации потерпевшим и т. д., согласно национальному законодательству.
5. **Расширенная конфискация:** применяется механизм конфискации имущества, эквивалентного по стоимости доходам от преступления, если прямые доходы не могут быть конфискованы¹⁹. Доказывание происхождения криптоактивов от преступления остается сложным, но развивающиеся инструменты анализа цепочек транзакций позволяют более успешно продвигать имеющиеся меры.

Уголовная политика в сфере конфискации криптовалюты в США

США являются пионером в конфискации криптовалюты. Первый значимый прецедент — конфискация биткоинов с *Silk Road (United States v. Ulbricht (2014))*²⁰. Рекордная конфискация — свыше 94 000 биткоинов, связанных со взломом *Bitfinex* в 2016 г. (*United States v. Lichtenstein & Morgan (2022)*)²¹. Данные обстоятельства свидетельствуют о широких

¹⁸ Bostwick, L., Bartlett, N., Cronje, H., & Abernathy III, T. J. (2023). *Managing seized and confiscated assets: A guide for practitioners* (p. 50). World Bank. <https://star.worldbank.org/publications/managing-seized-and-confiscated-assets-guide-practitioners>

¹⁹ См. ст. 5 Директивы 2014/42/EC (5AMLD).

²⁰ *United States v. Ulbricht*, 31 F. Supp. 3d 540 (S.D.N.Y. 2014). См. об этом деле пресс-релиз Министерства юстиции США: U.S. Department of Justice. (2022, February 8) Two arrested for alleged conspiracy to launder \$4.5 billion in stolen cryptocurrency [Press release]. <https://www.justice.gov/usao-dc/pr/two-arrested-alleged-conspiracy-launder-45-billion-stolen-cryptocurrency>

²¹ См. информацию о данном деле: U.S. Attorney's Office, District of Columbia. (October 29, 2024). *2016 Bitfinex Hack*. <https://www.justice.gov/usao-dc/2016-bitfinex-hack>

возможностях правоохранительной системы США с позиций не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и технологий (да и в целом возможности использования всех доступных средств).

Существующая нормативно-правовая система конфискации традиционных активов в США была сформирована в 1984 г. в связи с принятием Закона о комплексной борьбе с преступностью²², внесившего изменения в Закон о борьбе с организованной преступностью 1970 г.²³, предоставившего федеральным прокурорам правовые и нормативные инструменты борьбы с экономическими преступлениями в опережение преступных трендов. В этих процедурах не последняя роль отведена Службе маршалов США, к компетенции которых отнесены выявление и оценка активов, представляющих собой доходы, полученные преступным путем, а также эффективное управление активами, арестованными и конфискованными Министерством юстиции США, и их реализация.

Раздел 3 Закона о комплексной борьбе с преступностью содержит положения о том, что к имуществу, подлежащему конфискации, относятся любые доходы, полученные прямо или косвенно от преступной деятельности, и недвижимое, материальное и нематериальное личное имущество. Кроме того, в целях оптимизации конфискации доходов, получаемых от экономической деятельности, данным Законом предусматривались и процедуры передачи третьим лицам замороженных активов, их замены до предъявления обвинения и окончательного распоряжения конфискованным имуществом²⁴.

Данная правовая база заложила прочный фундамент для механизмов уголовного судопроизводства в части конфискации новых видов активов — виртуальных.

Основным свойством, создающим уникальный и передовой опыт конфискации криптовалюты в США, является безусловная (разрешенная) возможность компетентных органов, например Службы маршалов, управлять широким спектром активов, включая недвижимость, коммерческие предприятия, наличные деньги, финансовые инструменты, транспортные средства, ювелирные изделия, произведения искусства, антиквариат, предметы коллекционирования, суда и самолеты. Теперь перечень имущества, которым может управлять Служба маршалов США, пополнился различными виртуальными активами и криптовалютами.

Служба маршалов США является ключевым игроком. Именно она несет ответственность за управление и ликвидацию активов, конфискованных федеральными правоохранительными органами по решению суда, включая криптовалюты. Также она имеет право использовать частные криптовалютные биржи и внебиржевые сервисы для конвертации конфискованных криптоактивов в доллары США²⁵, тем самым реализуя следующие полномочия:

- создание и контроль кошельков для хранения;
- выбор времени и платформы для продажи (минимизация влияния на рынок);
- проведение публичных онлайн-аукционов (ранние этапы) или использование биржевых или внебиржевых сервисов (основной метод сейчас);
- полную бухгалтерию и отчетность.

Средства, полученные от продажи активов, используются для дальнейшего осуществления Программы конфискации активов — специального руководства по замораживанию

²² Comprehensive Crime Control Act, Pub. L. No. 98-473, 98 Stat. 1976 (1984).

²³ Racketeer Influenced and Corrupt Organizations (RICO) Act of 1970 (18 U.S.C. §§ 1961-68).

²⁴ Comprehensive Crime Control Act, H.R. 5963, 98th Cong., Title III (1984).

²⁵ Office of the Inspector General. (2022). *Audit of the United States Marshals Service's Management of Seized Cryptocurrency* (Publication No. 22-082). U.S. Department of Justice. <https://oig.justice.gov/sites/default/files/reports/22-082.pdf>

и конфискации любых видов активов, представляющих собой доходы от преступной деятельности, или средств, которые были использованы при совершении преступлений, выплаты компенсаций жертвам и поддержки различных усилий правоохранительных органов (Dolgieva, 2023b, p. 140).

Ключевым моментом, подчеркивающим разницу в подходах работы судебных приставов США и России, является круг полномочий, которые на первый взгляд при сравнении законодательств об исполнительном производстве обеих стран кажутся равнозначными. Вместе с тем Служба маршалов США вправе (в отличие от российских коллег) официально использовать передовой опыт частного сектора для обеспечения эффективного управления активами и их продажи с минимальными затратами. Это означает, что федеральные службы могут совершать операции с криптовалютами на частных криптовалютных биржах и аукционах, преобразовывать их с использованием коммерческих сервисов, что в России недопустимо по двум причинам: отсутствие официально зарегистрированных криптовалютных бирж и отсутствие законодательно регламентированной процедуры.

Ежегодно Служба маршалов США проводит сотни открытых для публики онлайн-аукционов, на которых выставляется конфискованное имущество, в том числе криптовалюты. Полученные от реализации таких активов доходы находятся на балансе Службы маршалов и распределяются согласно Руководству Министерства юстиции США на выплату средств жертвам преступлений, правоохранительным органам штата и местным органам, участвующим в Программе Министерства юстиции США по справедливому распределению, и подрядчикам, предоставляющим услуги по управлению имуществом и его отчуждению.

Количество арестованной криптовалюты в США настолько велико, что Служба маршалов, переместив криптовалютные активы, конфискованные у киберзлоумышленников, на новые криптокошельки, вызвала бурную реакцию на рынке. В связи с большим объемом работы с криптоактивами Служба маршалов США вынуждена была объявить конкурс в поисках подрядчика, который занимался бы хранением и утилизацией конфискованных криптоактивов²⁶. В частности, в требованиях к подрядчику указывалось, что ему придется заниматься бухгалтерским учетом, управлением клиентами, аудитом, созданием кошельков и прочими задачами, связанными с ликвидацией конфискованных цифровых активов. Он должен иметь возможность работать без ограничений по срокам и объемам с любыми монетами и обменивать их на фиатные средства, обладать процедурами для обмена на фиат.

Таким образом, сравнительный анализ показывает резкий контраст в развитости механизмов конфискации криптовалюты. США обладают наиболее продвинутой системой, основанной на широких полномочиях Службы маршалов использовать частный сектор для хранения и продажи, что обеспечивает фактическую реализуемость конфискации. Европейский союз, опираясь на директивы (особенно 2014/42/ЕС и 5/6AMLД), создал правовые рамки, но практическая реализация варьируется между государствами-членами; ключевая роль отводится национальным органам по возврату активов и сотрудничеству с лицензированными поставщиками виртуальных услуг. Россия демонстрирует значительное отставание: несмотря на формирующуюся практику изъятия и ареста криптоактивов и попытки законодательного урегулирования, отсутствует ключевое звено — механизм окончательной конфискации и реализации (продажи), а также правовая определенность статуса криптовалюты для целей конфискации и применения уголовно-процессуального закона.

²⁶ Ibid.

В этой связи представляется необходимым срочное законодательное закрепление в уголовно-процессуальном законе и законодательстве об исполнительном производстве положения, явно включающего криптовалюту и иные криптоактивы в перечень имущества, которое может быть арестовано, конфисковано и реализовано. Подлежит четкой регламентации статус криптовалюты как имущества (цифрового актива), который разграничил бы ее с регулируемой цифровой валютой по Закону о ЦФА. ФССП России должна быть наделена полномочиями по безопасному хранению конфискованных криптоактивов (с использованием холодных кошельков и строгих протоколов безопасности), а также возможностью использовать услуги лицензированных операторов обмена цифровых активов или иных регулируемых платформ для конвертации криптоактивов в рубли через аукционы или биржевые сделки с минимальным влиянием на рынок. В этой связи необходимо также активизировать взаимодействие с зарубежными партнерами по линии конфискации криптоактивов ввиду их трансграничной природы.

Список литературы / References

1. Aryamov, A. A. (2025). *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo: sovremennyy vzglyad: kurs lektsiy* [International criminal law: Collection of lectures], Rossijskij Gosudarstvennyj Universitet Pravosudiva.
2. Endol'tseva, A. V., Endol'tseva, Yu. V., & Platonova, N. I. (2019). Bazovyye nachala ugovnoy politiki: ot teoreticheskikh rassuzhdeniy k de lege ferenda [Basics of criminal policy: From theoretical discourse to de lege ferenda]. *Russian Journal of Criminology*, 13(4), 641–650. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).641-650](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650)
3. Dolgieva, M. M. (2023a). *Teoreticheskiye osnovaniya ugovnoy politiki v sfere oborota kriptovalyuty* [Theoretical foundations of criminal policy in the sphere of cryptocurrency trading] [Dr. Sci. dissertation, MGIMO University]. <https://mgimo.ru/upload/diss/2023/dolgieva-diss.pdf>
4. Dolgieva, M. M. (2023b). Soblyudeniye balansa chastnykh i publicnykh interesov v oblasti konfiskatsii tsifrovyykh aktivov na primere SSHA [Maintaining a balance of private and public interests in the field of digital assets confiscation: The United States case]. *Actual Problems of Russian Law*, 18(6), 134–141. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.134-141>
5. Fijnaut, C. (2017). *Criminology and the criminal justice system: A historical and transatlantic introduction*. Intersentia. <https://doi.org/10.1017/9781780686059>
6. Kunev, D. A. (2021). *Vozvrat iz-za rubezha prestupnykh aktivov: teoriya i praktika* [Criminal asset recovery from abroad: Theory and practice] (A. G. Volevodz, Ed.). Prometey.
7. Keiler, J., & Klip, A. (2021). The sentence is only the beginning: Hiccups in the cross-border execution of judgments in the Euregion Meuse-Rhine. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 29(3–4), 189–217. <https://doi.org/10.1163/15718174-bja10016>

Сведения об авторах:

Волеводз А. Г. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заместитель декана Международно-правового факультета по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, член Научно-консультативных советов при Верховном Суде РФ, Генеральной прокуратуре РФ и Следственного комитета РФ, Москва, Россия.

a.volevodz@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-2823>

Долгиева М. М. — доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, старший прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.

publicprosecutor@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8308-6038>

Information about the authors:

Alexander G. Volevodz — Dr. Sci. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Dean of the International Law Faculty, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO University, Member of the Scientific Advisory Councils under the Supreme Court of the Russian Federation, the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

a.volevodz@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-2823>

Madina M. Dolgieva — Dr. Sci. in Law, Honoured Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Prosecutor, Senior Justice Advisor, General Criminal Justice Department, Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.

publicprosecutor@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8308-6038>